

Художественная литература о моряках в Отечественной войне

Бор. СОЛОВЬЕВ

Образ советского моряка

Еще не так давно, 2—3 года назад, наша военно-морская литература в основном была литературой эпизодов, фактов, литературы, в которой творческий замысел осуществлялся в крайне мадой степени и ничего в ней не определяло. Сейчас от литературы эпизодов, от офицерства мы пытаемся перейти к литературе, в которой ставятся бы широкие проблемы, проблемы характера советского человека.

Повесть Леонида Соловьева «Иван Никулин — русский матрос», которая в свое время имела право на существование, сейчас уже не удовлетворяет нас, потому что она не озарена светом художественного замысла. Автор остановился перед тем магическим кругом, той чертой, за которой начинается подлинное искусство. В повести Леонида Соловьева, как на любительском снимке, смазаны все черты характера, все детали, все подробности, и ни одна из них не становится спутником нашего сердца, ни одна не вызывает глубоких переживаний. В отрывке Ивана Никулина участвует девушка Маруся. Она совершает замечательные подвиги. Враги приговаривают ее к смерти, и все это выдает тайны своего отряда. Нарисован образ, который, казалось бы, должен вызвать по характеру своего материала наше глубокое волнение. А между тем сейчас эта девушка в памяти читателей возникает бледной, невыразительным пятном, потому что в повести не показано, какая сила ведет ее на подвиг.

Ю. Герман написал повесть «Студеное море». Эта повесть я считаю южной. Там дан характер моряка, благородные устои старой морской семьи, любовь к студеному Белому морю. Но герой молчит, и автор за него молчит, и я так и не понял, откуда происходит скромность героя — от духовного богатства или от бедности. Если автор не может этого показать, то, значит, он не видел по-настоящему характера своего героя.

До сих пор наиболее художественно полноценной военно-морской книгой из тех, которые мы могли положить на стол читателя, является книга Леонида Соболева «Морская душа». Там сила, которая ведет советского человека на подвиг, показана в ней выразительно и ярко. Некоторые недостатки этой книги, из мой взгляд, заключаются в том, что в ее включены и такие вещи, как «Парнишка Леонард» или «Голубой шарф», слишком эффективные, слишком продуманные по «максимизациям». Так каждая деталь засстенцирована, и это создает неточное представление о войне.

Недостатком нашей военно-морской литературы является то, что до сих пор характер нашего человека, как человека высокоматематического, не показан в должной мере. А совершенно очевидно, что без высокого интеллекта вопросы тактики и стратегии не могли бы решаться так, как они решены в действительности, без чего мы не могли бы одержать замечательные победы.

Первой вещью, которая, как мне известно, ставят эти вопросы, является еще не опубликованный роман А. Зинина «Морское братство». Там проблемы военно-морской тактики и стратегии поставлены остро. Мы видим, что не только командование знатно этиими проблемами, а что творческое отношение к войне проявляют рядовые краснофлотцы, которые понимают, знают свой маневр.

Мы будем стремиться к созданию такой литературы, которая была бы литературой больших характеров и идей, глубокого интеллектуального анализа, а не литературой плоского описательства и бытования.

Все выступления на 2 и 3 стр. даются по сокращенной стенограмме.

Н. ТИХОНОВ

Родная стихия

Совещание подняло слишком большое количество вопросов сразу, но, как видно, это было нужно, потому что обнаружилось, как много сложных вещей связано с передачей морской темы в литературе и с положением самых писателей, работающих в этой области.

Писатели эти разного рода. Одни преданы морской теме, издавна склонившиеся к ней, главные из них произведения посвящены военным морикам. Другие — раз или два написали на морскую тему и, может быть, больше не будут к ней возвращаться с полной силой. Третий — хорошо работали морских газетах, качестве журналистов, фельетонистов, очерклистов, авторов коротких рассказов, в отдельном юморе, но кончается война, они уйдут с флота, оставят себе память как о старательных и талантливых работниками, но они больше не будут писать о флоте.

Это совершенно закономерно, как и то, что никогда морская тема не вставала с такой отчетливостью, как сейчас. Такой широты и глубины ее раньше не чувствовали писатели, хотя серьезно занимались ею. Они так серьезно работали, что можно сегодня признать за писателей право на новые поиски, на новые серьезнейшие опыты. Они доказали рядом книг, что морская тема стала органической темой в их творчестве. Сейчас времена требует пребывания на морях.

Мы должны иметь художественную литературу о море, литературу о наших моряках, о наших героях и тружениках моря.

О море, о человеке моря надо писать радостно, так, как еще у нас не писали.

Нужно все море в его бурях и затишьях, в его ночах и закатах перевести в наши книги. Нужно, чтобы чувствовалася солнечный простор. Если замыкаешься в башнях и в кубиках и гозоришь только об уставе — ничего не получится.

Нужно писать простою, писать увлекательно! Чтобы тянуло в море молодежь, чтобы корабль казался идущим далеко с великой задачей, чтобы все опасности преодолевались мужеством, знанием, иннициативой моряка.

Когда-то давно я хотел написать большую повесть об адмирале Сенявине. Я изучал материал, относящийся к этой эпоche, когда наш Андреевский флаг свободно плавался на океаноморском ветре. Поместье представлялось мне наполненным гулом волн, ветра, проходящей большими парусами, скрывающим корабли, запахом благословенных берегов Азии.

И не просто лодками, прикованными к своим кораблям, представлялись мне герои повести — эти веселые, смельные, дерзкие паруса, для которых расстояния не играли роли. Они сегодня в Катаре, через месяц Котфу, еще через месяц в Мессине или Лиссабоне.

Это были моряки великого русского флота, мореходы. Это были живые, полные страсти, любознательные ко всему новому русские люди... Их воспоминания, их записи о днях долгих плаваний, документов той эпохи заразили меня отважными же, как я тогда называл, рассказами об этом времени.

Было еще одно произведение молодого

западенца, это создает неточное представление о войне.

Недостатком нашей военно-морской литературы является то, что до сих пор характер нашего человека, как человека высокоматематического, не показан в должной мере. А совершенно очевидно, что без высокого интеллекта вопросы тактики и стратегии не могли бы решаться так, как они решены в действительности, без чего мы не могли бы одержать замечательные победы.

Первой вещью, которая, как мне известно, ставят эти вопросы, является еще не опубликованный роман А. Зинина «Морское братство». Там проблемы военно-морской тактики и стратегии поставлены остро. Мы видим, что не только командование знатно этиими проблемами, а что творческое отношение к войне проявляют рядовые краснофлотцы, которые понимают, знают свой маневр.

Мы будем стремиться к созданию такой литературы, которая была бы литературой больших характеров и идей, глубокого интеллектуального анализа, а не литературой плоского описательства и бытования.

Совершенно незаменим Кацалов там, где нужно играть человека глубокой мысли, большой интеллектуальности, великого искусства, бурного горения. Ибсеновский неукротимый максималист-фанатик Бранд с его лозунгом «все или ничего», русский интеллектуал Иван Каракозов с его бесподобным анализом и тягой к вопросам сверхмирового размаха, Чайковский, доктор Иоганн Фокерат, не могущий выдержать мещанского духа немецкой семьи и уходящий из жизни с любовью к русской девушке Анне Мир, Ивар Кафено («У врат царства») — человек, который не хотел преклоняться, — я не могу себе представить этих ролях никого лучше Кацалова.

Только в Иване Каракозове до сих пор не могу без разочарования и огорчения вспомнить сцену разговора галлюцинирующего Каракозова с чортом. По настоянию самого Кацалова он всю эту сцену проводил единично — говорил и за Ивана, и за чорта. Какая несчастная мысль, какой плоский рационализм! Проводил он этот разговор великолепно, вся критика была восторг, высказывалась даже сожаление, что теперь уже не принято уважать артистов золотыми венками. Кацалов, несомненно, тут выигрывал, но пьеса в целом стала же несомненно проигрывала. Сам Иван никак не может себя убедить, что этот чорт — только его фантазия, у Достоевского чорт вышел в ужасающе-нездомленной конкретности. «Он в блюхе, раздвинул его и наверно отыщет хвост, длинный, глянцевый, как у датской собаки, в ариши длиной, бурый...» Иван кричит брату Алеши: «Нет, нет, нет, это был не он! Он был, он тут сидел: вот на том диване!» А мы, зрители, мы ни на минуту не имели возможности забыть и увидеть на диване чорта живым, как его видел Иван. Нас все время забавляло держали перед пустым диваном в убеждении, что чорт не что иное, как только галлюцинация забывшего душевно-блезменного Ивана.

Благородство и ум — эти два свойства Кацалов передает с особым, совершенно непревзойденным мастерством. Как редко вершился актер именем в этих двух свойствах, замыкаемых большими частями фольклором, эпической декламацией! Вот Кацалов в инсценировке «Воскресенье» Льва Толстого читает, как Катюша Маслова в темную осеннюю ночь на глухом полустанке смотрит на сидящего в купе первого класса Нехлюдова, как бежит к его узоявкам его поездом.

«Измученная, мокрая, грязная, она вер-

тается домой, и с этого дня в ней начальяется тот душевный переворот, вследствие которого она сделается тем, чем была раньше. С этой странной ночи она перестала верить в добро. Она прежде сама верила в добро и в то, что люди верят в него, но с этой ночи убедилась, что никто не верит в это, и что все, что говорят про бога и добро, все это делают только для того, чтобы обманывать людей».

Подлинное величие и подлинная скромность самого Толстого звучат тут в голосе Кацалова.

Наша русская интеллигенция, настолько характерная, что дала иностранным языкам специфическое слово «intelligentsia» (в транскрипции русского слова), настолько великого исполнителя, — настиняя Кацалов, чтобы даже сопоставление с любым другим актером именем в этом смысле не имело смысла.

Интересно, как играл Кацалов Ивана в пьесе Чехова того же названия. Можно ли спорить против того, что Иван — это проницательный читатель, как Петро Трофимов в «Вишневом саду»?

«Измученная, мокрая, грязная, она вер-

тается домой. Роман был затуман в трех частях. Вышла и свет только первая, и та осталась без внимания критики. Я говорю о романе моряка-автора Владимира Рицкита: «Третий рейс». Я не знаю другого произведения за все время существования советской литературы, где бы участвовало такое количество героев. Роман проходит по всем морям Европы, по всем портам Северного и Балтийского морей, там были капитаны, матросы, пароходогондольеры, маклеры, морские чиновники, там были нечленные барыги, русские моряки, английские эскимосы, там были события от первых дней четырнадцатого года до конца мировой войны, до дней ледового похода флота из Хельсинки в Кронштадт. От маленьких матросов до великого Ленина — таков был весь роман. Осталась недописанная часть.

Жанр романированной биографии лишился за последние 15—20 лет выгор, и разился как новый и популярный художественный вид, из области детской беллетристики вошел в большую литературу. Белинский с присущей ему пророческостью предвидел наступление в области литературы, в котором, кроме прочего, видел быструю промышленную эпоху, промышленные до нитки и также жесткие головами. У входа в дом их встречает третья дочь Раевского, болезненная и вскоре умершая от чахотки Елена. В руках она держит только что принесенную ей виноградную кисть: «Солнечный свет падал на девушки со спинами, золота отделанные виноградные волнистые волоски и вису фигуру ее очаровывали легким линий света. Рука с виноградом, отведенная в сторону, чуть разогрелась до тепла, и головы ее надменно сияли над головами». У входа в дом их встречает третья дочь Раевского, болезненная и вскоре умершая от чахотки Елена. В руках она держит только что принесенную ей виноградную кисть: «Солнечный свет падал на девушки со спинами, золота отделанные виноградные волнистые волоски и вису фигуру ее очаровывали легким линий света. Рука с виноградом, отведенная в сторону, чуть разогрелась до тепла, и головы ее надменно сияли над головами».

Жанр романированной биографии лишился за последние 15—20 лет выгор, и разился как новый и популярный художественный вид, из области детской беллетристики вошел в большую литературу. Белинский с присущей ему пророческостью предвидел наступление в области литературы, в котором, кроме прочего, видел быструю промышленную эпоху, промышленные до нитки и также жесткие головами. У входа в дом их встречает третья дочь Раевского, болезненная и вскоре умершая от чахотки Елена. В руках она держит только что принесенную ей виноградную кисть: «Солнечный свет падал на девушки со спинами, золота отделанные виноградные волнистые волоски и вису фигуру ее очаровывали легким линий света. Рука с виноградом, отведенная в сторону, чуть разогрелась до тепла, и головы ее надменно сияли над головами».

Жанр романированной биографии лишился за последние 15—20 лет выгор, и разился как новый и популярный художественный вид, из области детской беллетристики вошел в большую литературу. Белинский с присущей ему пророческостью предвидел наступление в области литературы, в котором, кроме прочего, видел быструю промышленную эпоху, промышленные до нитки и также жесткие головами. У входа в дом их встречает третья дочь Раевского, болезненная и вскоре умершая от чахотки Елена. В руках она держит только что принесенную ей виноградную кисть: «Солнечный свет падал на девушки со спинами, золота отделанные виноградные волнистые волоски и вису фигуру ее очаровывали легким линий света. Рука с виноградом, отведенная в сторону, чуть разогрелась до тепла, и головы ее надменно сияли над головами».

Жанр романированной биографии лишился за последние 15—20 лет выгор, и разился как новый и популярный художественный вид, из области детской беллетристики вошел в большую литературу. Белинский с присущей ему пророческостью предвидел наступление в области литературы, в котором, кроме прочего, видел быструю промышленную эпоху, промышленные до нитки и также жесткие головами. У входа в дом их встречает третья дочь Раевского, болезненная и вскоре умершая от чахотки Елена. В руках она держит только что принесенную ей виноградную кисть: «Солнечный свет падал на девушки со спинами, золота отделанные виноградные волнистые волоски и вису фигуру ее очаровывали легким линий света. Рука с виноградом, отведенная в сторону, чуть разогрелась до тепла, и головы ее надменно сияли над головами».

Жанр романированной биографии лишился за последние 15—20 лет выгор, и разился как новый и популярный художественный вид, из области детской беллетристики вошел в большую литературу. Белинский с присущей ему пророческостью предвидел наступление в области литературы, в котором, кроме прочего, видел быструю промышленную эпоху, промышленные до нитки и также жесткие головами. У входа в дом их встречает третья дочь Раевского, болезненная и вскоре умершая от чахотки Елена. В руках она держит только что принесенную ей виноградную кисть: «Солнечный свет падал на девушки со спинами, золота отделанные виноградные волнистые волоски и вису фигуру ее очаровывали легким линий света. Рука с виноградом, отведенная в сторону, чуть разогрелась до тепла, и головы ее надменно сияли над головами».

Жанр романированной биографии лишился за последние 15—20 лет выгор, и разился как новый и популярный художественный вид, из области детской беллетристики вошел в большую литературу. Белинский с присущей ему пророческостью предвидел наступление в области литературы, в котором, кроме прочего, видел быструю промышленную эпоху, промышленные до нитки и также жесткие головами. У входа в дом их встречает третья дочь Раевского, болезненная и вскоре умершая от чахотки Елена. В руках она держит только что принесенную ей виноградную кисть: «Солнечный свет падал на девушки со спинами, золота отделанные виноградные волнистые волоски и вису фигуру ее очаровывали легким линий света. Рука с виноградом, отведенная в сторону, чуть разогрелась до тепла, и головы ее надменно сияли над головами».

Жанр романированной биографии лишился за последние 15—20 лет выгор, и разился как новый и популярный художественный вид, из области детской беллетристики вошел в большую литературу. Белинский с присущей ему пророческостью предвидел наступление в области литературы, в котором, кроме прочего, видел быструю промышленную эпоху, промышленные до нитки и также жесткие головами. У входа в дом их встречает третья дочь Раевского, болезненная и вскоре умершая от чахотки Елена. В руках она держит только что принесенную ей виноградную кисть: «Солнечный свет падал на девушки со спинами, золота отделанные виноградные волнистые волоски и вису фигуру ее очаровывали легким линий света. Рука с виноградом, отведенная в сторону, чуть разогрелась до тепла, и головы ее надменно сияли над головами».

Жанр романированной биографии лишился за последние 15—20 лет выгор, и разился как новый и популярный художественный вид, из области детской беллетристики вошел в большую литературу. Белинский с присущей ему пророческостью предвидел наступление в области литературы, в котором, кроме прочего, видел быструю промышленную эпоху, промышленные до нитки и также жесткие головами. У входа в дом их встречает третья дочь Раевского, болезненная и вскоре умершая от чахотки Елена. В руках она держит только что принесенную ей виноградную кисть: «Солнечный свет падал на девушки со спинами, золота отделанные виноградные волнистые волоски и вису фигуру ее очаровывали легким линий света. Рука с виноградом, отведенная в сторону, чуть разогрелась до тепла, и головы ее надменно сияли над головами».

Когда проезжала по селам Нагорного Карабаха, слышала песни Ашота Граши. Его «Печаль невесты», «Как прекрасен Карабах», «Пусть мать придет», «В руках твоих розы» и многие другие, переведенные на музыку ашотом Геворком Геворкином, очень популярны у карабахцев. В чем сила и обаяние лирики Ашота Граши?

Поэт ощущал нить, связывающие бойца передовой линии с отчим краем, ульявшую тревожные думы матери, ждущих сыновей, женщин, мысленно сопутствующих мужьям и братьям в бою, песни девушек в садах за сбором урожая, песни жены на полях? «Крунк», «Печаль невесты», «Когда вернется отец?» «Я ожидаю тебя...»

В стихотворении «Крунк» гордость за сына-бойца стягивается с материнской тревогой за его судьбу:

Если пурпур ранен сын,
Боязливый, бледный,
Урони на рану жалкие крошки.
И согрей его сердце, крошки.

(Перевод С. Мар.)

Крунк — журавль, традиционный фольклорный образ на Востоке. В горе и радости обращался народ к этому поэтическому символу для выражения заветных чувств.

Поэзия Ашота Граши корнями уходит в народно-лесенесные, сказовые традиции армянской поэзии.

Стихи Ашота Граши проникнуты лирическим пафосом любви к родной земле. С особой силой воспал к красочную и живописную природу Карабаха. Но круг его поэтических ассоциаций выходит далеко за пределы темы о Карабахе и Армении. В творчестве его слышатся элементы армянской и азербайджанской поэзии с русской поэтической традицией.

Родина в широком смысле слова — обединяющая тема новой книги стихов Ашота Граши «Крунк», изданной в Баку на армянском языке. Это девятая книга поэта, вторая — за время войны.

Темы родины выражены в стихах Граши в лирических образах родной земли и в образе человека, вставшего на ее защиту.

А. Граши. «Крунк». Баку. «Азеришэр».

Небожки Граши ощущают венецианским кровью связи человека с родной землей.

Я оттуда пришел, где рождаются бурные реки.
Где могущие грозы на крученых скалистых грядках.
Где, как облака, в небе, свободна душа и человек.
Где из груди устекло клокочущий волнистый поток.

Я оттуда пришел, где рождаются бурные реки.

(Перевод В. Державина).

Оба письма книги «Путь моего поколения» и «В голубых горах Карабаха», связанные одной темой Героя поэта, оставил отцовский дом, унес с собой на фронт любовь к родному краю и к земле, на которой он родился и вырос.

Голос родной земли, обугленной испепеленным врагом, возвещает о отщепенности.

А. Граши создает образ страны-созидающей, страны, творящего резца, кисти и ктула. Его любовь к армянскому побуждает сочувствия сильной влюбленности. Лирические пейзажи Граши наполнены воздухом светом, красками юга. Образ матери и Армении сплывает воистину у синевы-воды: «Арапат», «Севан», «На погоне», «В арапатской долине», «В Армении раз цветают» и др.

Лучина, как лебедь, в горы Ай-Агдама.
Летят, садясь на берегу ровном:
Лыхымы бурь северных облаков.
Овенила его волнистым сном.

(Перевод В. Державина).

Характерно стихотворение «Песнь матери», рисующее прекрасный образ советской женщины. Мать, подожженная ревностью, «Арапат», «Севан», «На погоне», «В арапатской долине», «В Армении раз цветают» и др.

Звезда высокий голубой.
К нам горами возвращен мойльбой:
Вече — и сына моего, от бет
Дух хранит вал благоухающий свет!

Сколько мы взрастим храбротов!
До вернувшихся с победой
Пол-потомки гор национальной кров
Со всеми — счастья, любви и чести!

(Перевод Т. Спенделаровой).

Благотворные традиции армянской поэзии — народность и лиризм — подпитывают живое развитие в творчестве Ашота Граши.

В СССР СССР

Гравюры из жизни А. М. Горького

Среди графических работ, выполненных художниками по заказу Комитета по делам искусств к художественной выставке 1945 года, большой интерес представляет серия ксилографий Михаила Полякова, посвященная А. М. Горькому. Художник уделяет особое внимание встречам А. М. Горького с его великими современниками — В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Н. Н. Толстым, К. С. Станиславским.

На первой из гравюр изображена встреча Горького с Лениным, на второй — с Толстым, на третьей — с Станиславским.

На одной из гравюр изображает Горького в окружении друзей и единомышленников, на другой — Горького на фоне романтического водяного театра Гоголя.

На другой гравюре изображена встреча Горького с В. И. Стасиным, на третьей — с Толстым.

Серии гравюр М. Полякова предполагается издать в виде альбома.

М. ХОЛОДОВСКАЯ.

Серии гравюр изображают жизнь А. М. Горького.

Среди графических работ, выполненных художниками по заказу Комитета по делам искусств к художественной выставке 1945 года, большой интерес представляет серия ксилографий Михаила Полякова, посвященная А. М. Горькому.

Художник уделяет особое внимание встречам А. М. Горького с его великими современниками — В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Н. Н. Толстым, К. С. Станиславским.

На первой из гравюр изображена встреча Горького с Лениным, на второй — с Толстым, на третьей — с Станиславским.

На одной из гравюр изображает Горького в окружении друзей и единомышленников, на другой — Горького на фоне романтического водяного театра Гоголя.

На другой гравюре изображена встреча Горького с В. И. Стасиным, на третьей — с Толстым.

Серии гравюр М. Полякова предполагается издать в виде альбома.

М. ХОЛОДОВСКАЯ.

Среди графических работ, выполненных художниками по заказу Комитета по делам искусств к художественной выставке 1945 года, большой интерес представляет серия ксилографий Михаила Полякова, посвященная А. М. Горькому.

Художник уделяет особое внимание встречам А. М. Горького с его великими современниками — В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Н. Н. Толстым, К. С. Станиславским.

На первой из гравюр изображена встреча Горького с Лениным, на второй — с Толстым, на третьей — с Станиславским.

На одной из гравюр изображает Горького в окружении друзей и единомышленников, на другой — Горького на фоне романтического водяного театра Гоголя.

На другой гравюре изображена встреча Горького с В. И. Стасиным, на третьей — с Толстым.

Серии гравюр М. Полякова предполагается издать в виде альбома.

М. ХОЛОДОВСКАЯ.

Среди графических работ, выполненных художниками по заказу Комитета по делам искусств к художественной выставке 1945 года, большой интерес представляет серия ксилографий Михаила Полякова, посвященная А. М. Горькому.

Художник уделяет особое внимание встречам А. М. Горького с его великими современниками — В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Н. Н. Толстым, К. С. Станиславским.

На первой из гравюр изображена встреча Горького с Лениным, на второй — с Толстым, на третьей — с Станиславским.

На одной из гравюр изображает Горького в окружении друзей и единомышленников, на другой — Горького на фоне романтического водяного театра Гоголя.

На другой гравюре изображена встреча Горького с В. И. Стасиным, на третьей — с Толстым.

Серии гравюр М. Полякова предполагается издать в виде альбома.

М. ХОЛОДОВСКАЯ.

Среди графических работ, выполненных художниками по заказу Комитета по делам искусств к художественной выставке 1945 года, большой интерес представляет серия ксилографий Михаила Полякова, посвященная А. М. Горькому.

Художник уделяет особое внимание встречам А. М. Горького с его великими современниками — В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Н. Н. Толстым, К. С. Станиславским.

На первой из гравюр изображена встреча Горького с Лениным, на второй — с Толстым, на третьей — с Станиславским.

На одной из гравюр изображает Горького в окружении друзей и единомышленников, на другой — Горького на фоне романтического водяного театра Гоголя.

На другой гравюре изображена встреча Горького с В. И. Стасиным, на третьей — с Толстым.

Серии гравюр М. Полякова предполагается издать в виде альбома.

М. ХОЛОДОВСКАЯ.

Среди графических работ, выполненных художниками по заказу Комитета по делам искусств к художественной выставке 1945 года, большой интерес представляет серия ксилографий Михаила Полякова, посвященная А. М. Горькому.

Художник уделяет особое внимание встречам А. М. Горького с его великими современниками — В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Н. Н. Толстым, К. С. Станиславским.

На первой из гравюр изображена встреча Горького с Лениным, на второй — с Толстым, на третьей — с Станиславским.

На одной из гравюр изображает Горького в окружении друзей и единомышленников, на другой — Горького на фоне романтического водяного театра Гоголя.

На другой гравюре изображена встреча Горького с В. И. Стасиным, на третьей — с Толстым.

Серии гравюр М. Полякова предполагается издать в виде альбома.

М. ХОЛОДОВСКАЯ.

Среди графических работ, выполненных художниками по заказу Комитета по делам искусств к художественной выставке 1945 года, большой интерес представляет серия ксилографий Михаила Полякова, посвященная А. М. Горькому.

Художник уделяет особое внимание встречам А. М. Горького с его великими современниками — В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Н. Н. Толстым, К. С. Станиславским.

На первой из гравюр изображена встреча Горького с Лениным, на второй — с Толстым, на третьей — с Станиславским.

На одной из гравюр изображает Горького в окружении друзей и единомышленников, на другой — Горького на фоне романтического водяного театра Гоголя.

На другой гравюре изображена встреча Горького с В. И. Стасиным, на третьей — с Толстым.

Серии гравюр М. Полякова предполагается издать в виде альбома.

М. ХОЛОДОВСКАЯ.

Среди графических работ, выполненных художниками по заказу Комитета по делам искусств к художественной выставке 1945 года, большой интерес представляет серия ксилографий Михаила Полякова, посвященная А. М. Горькому.

Художник уделяет особое внимание встречам А. М. Горького с его великими современниками — В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Н. Н. Толстым, К. С. Станиславским.

На первой из гравюр изображена встреча Горького с Лениным, на второй — с Толстым, на третьей — с Станиславским.

На одной из гравюр изображает Горького в окружении друзей и единомышленников, на другой — Горького на фоне романтического водяного театра Гоголя.

На другой гравюре изображена встреча Горького с В. И. Стасиным, на третьей — с Толстым.

Серии гравюр М. Полякова предполагается издать в виде альбома.

М. ХОЛОДОВСКАЯ.

Среди графических работ, выполненных художниками по заказу Комитета по делам искусств к художественной выставке 1945 года, большой интерес представляет серия ксилографий Михаила Полякова, посвященная А. М. Горькому.

Художник уделяет особое внимание встречам А. М. Горького с его великими современниками — В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Н. Н. Толстым, К. С. Станиславским.

На первой из гравюр изображена встреча Горького с Лениным, на второй — с Толстым, на третьей — с Станиславским.

На одной из гравюр изображает Горького в окружении друзей и единомышленников, на другой — Горького на фоне романтического водяного театра Гоголя.

На другой гравюре изображена встреча Горького с В. И. Стасиным, на третьей — с Толстым.

Серии гравюр М. Полякова предполагается издать в виде альбома.

М. ХОЛОДОВСКАЯ.

Среди графических работ, выполненных художниками по заказу Комитета по делам искусств к художественной выставке 1945 года, большой интерес представляет серия ксилографий Михаила Полякова, посвященная А. М. Горькому.

Художник уделяет особое внимание встречам А. М. Горького с его великими современниками — В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Н. Н. Толстым, К. С. Станиславским.

На первой из гравюр изображена встреча Горького с Лениным, на второй — с Толстым, на третьей — с Станиславским.

На одной из гравюр изображает Горького в окружении друзей и единомышленников, на другой — Горького на фоне романтического водяного театра Гоголя.

На другой гравюре изображена встреча Горького с В. И. Стасиным, на третьей — с Толстым.

Серии гравюр М. Полякова предполагается издать в виде альбома.

М. ХОЛОДОВСКАЯ